

## МАСС-МЕДИА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: МЕЖДУ СВОБОДОЙ СЛОВА И НОВЫМИ ФОРМАМИ ЦЕНЗУРЫ \*

Н.Ф. Муратова, д.ф.н., Университет журналистики и массовых коммуникаций  
Узбекистана

**Аннотация:** Целью исследования стало выявление зависимости развития свободы масс-медиа от развития общего уровня гражданских свобод в странах Центральной Азии — Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и сопредельной с этими странами России. Во исполнение цели был выполнен ряд задач: осуществлен сравнительный анализ динамики показателя гражданских свобод в странах региона в сопоставлении с динамикой показателя свободы масс-медиа; представлены тематические предпочтения региональных СМИ и журналистов; описана динамика развития новых, модернизированных форм цензуры. Результатом исследования стало доказательство гипотезы о непосредственной зависимости свободы масс-медиа от общего уровня гражданских свобод.

**Ключевые слова:** свобода СМИ, цензура, масс-медиа, журналисты, гражданские свободы, Центральная Азия.

### Введение и гипотеза

Возможно ли отделить анализ развития средств массовой информации, в данном случае в странах Центральной Азии, от того, что происходит в области экономики, политики и в общественных отношениях в самих этих странах? Конечно, но не стоит пытаться: общественные отношения зависят от экономики и политики, а средства массовой информации не просто (и не всегда) отражают происходящее, но все, что происходит в политике, экономике и в общественных отношениях, напрямую влияет на положение самих масс-медиа и на свободу слова в целом.

Еще вопрос: какие страны следует относить к Центральной Азии? Мы здесь предлагаем исходить из понятия Центральной Азии, к которому относятся страны с единым историческим прошлым, культурными, религиозными связями, схожестью языка, а главное — общностью текущих проблем экономики, политики и, разумеется, масс-медиа. Но поскольку это очень большой регион, мы сосредоточимся на примере и анализе масс-медиа в Узбекистане, Казахстане и Киргизии — в сравнении с Таджикистаном и Туркменистаном, а также Россией — с учетом недавнего советского прошлого всех этих стран.

Целью исследования стало выявление зависимости развития свободы масс-медиа от развития общего уровня гражданских свобод в странах рассматриваемого региона.

Во исполнение указанной цели был выполнен ряд задач, в том числе осуществлен сравнительный анализ динамики показателя гражданских свобод в странах Центральной Азии в сопоставлении с динамикой показателя свободы масс-медиа — по данным организаций «Дом свободы» (Freedom House) за 2013-2022 г. и международной организации «Репортеры без границ» (Reporters Without Borders) за 2021-2022 гг.; проанализированы тематические предпочтения региональных СМИ и журналистов; описана динамика развития новых модернизированных форм цензуры на примере законодательной практики Российской Федерации последних лет.

Рабочей гипотезой настоящей работы стало положение, согласно

MURATOVA Nozima  
Faxritdinovna, DSc, O'zbekiston  
jurnalistika va ommaviy  
kommunikatsiyalar universiteti,  
fan va innovatsion loyihalar  
bo'yicha prorektori

MURATOVA Nozima  
Faxritdinovna, DSc, Vice-rector  
for Research and Innovations,  
Journalism and Mass  
Communications University of  
Uzbekistan

которому насколько более высокого показателя общего уровня гражданских свобод достигают общественные отношения в каждой из отдельно взятых стран региона, настолько более широкими рамками свободы будут пользоваться масс-медиа в этой стране.

### Методы и материалы

Основным методом исследования стал сравнительный анализ: сравнивались прежде всего показатели динамики общего уровня гражданских свобод и динамики свободы СМИ в странах рассматриваемого региона. Источниками анализа стали данные ежегодных отчетов общественных организаций «Дом свободы» (Freedom, 2023) и «Репортеры без границ» (Reporters, 2023), а также мировые показатели количества журналистов, находящихся в заключении (Nouveaux, 2023).

В качестве базовых научных источников были использованы труды проф. А.Г. Рихтера (Рихтер, 2007, 19-32), др. С.А. Куликовой (Куликова, 2019), к.ф.н. Е.М. Шитиковой (Шитикова, 2022, 49-51), исследования S. Oates (Oates, 2007), А.Т. Омуркановой (Омурканова, 2021), Н.А. Мухаммада и П.А. Махмадова (Мухаммад, Махмадов, 2016).

Кроме того, для реализации актуального ситуативного анализа развития СМИ в постсоветском пространстве, в особенности в странах рассматриваемого региона, использовались данные общественных организаций — таких, как созданный в целях продвижения свободы слова в Кыргызстане Общественный фонд «Центр Медиа Развития» (О нас, 2023), ежегодного Центральноазиатского фестиваля MediaCAMP Fest (Конкурс, 2023).

### Результаты

Разумеется, условия работы журналистов в каждой из стран региона не одинаковые: в начале исследования мы предположили, что развитие свободы масс-медиа зависит от развития общего уровня демократических институтов в каждой из стран. На рис. 1 мы представили динамику общего индикатора гражданских свобод, отобранную специально для настоящего исследования из данных организации Дом свободы (Freedom House) за десятилетний период с 2013 по 2022 гг. (Freedom, 2013-2022).

Динамика демократического индикатора свободы массовой информации в странах Центральной Азии (из 100 возможных)

Страны/ Годы	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Узбекистан	4 NF	4 NF	4 NF	3 NF	3 NF	7 NF	9 NF	10 NF	11 NF	11 NF
Туркменистан	7 NF	7 NF	6 NF	4 NF	4 NF	4 NF	2 NF	2 NF	2 NF	2 NF
Таджикистан	24 NF	24 NF	22 NF	16 NF	11 NF	11 NF	9 NF	9 NF	8 NF	8 NF
Россия	27 NF	26 NF	23 NF	22 NF	20 NF	20 NF	20 NF	20 NF	20 NF	19 NF
Кыргызстан	39 PF	39 PF	38 PF	38 PF	37 PF	37 PF	38 PF	39 PF	28 NF	27 NF
Казахстан	25 NF	25 NF	24 NF	24 NF	22 NF	22 NF	22 NF	23 NF	23 NF	23 NF

Рис. 1. Динамика агрегированного показателя гражданских свобод

Примечание: NF – Несвободно; PF – Частично свободно; F – Свободно.

Источник: Freedom in the World 2013–2022 Raw Data 2013–2022. Freedom House. Электронный ресурс: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world> (дата обращения: 13.02. 2023).

Тезисы статьи были использованы ранее в ходе VII международной научно-практической конференции «Язык и речь в интернете: личность, общество, коммуникация, культура» 20.04.2023 — М.: РУДН им. Патриса Лумумбы.

Туркменистан и Таджикистан замерли на очень низком уровне развития демократических институтов (2 NF и 8 NF, соответственно); Казахстан демонстрирует относительно высокий уровень 23 NF, но также не предпринимает ничего для развития гражданских свобод; Кыргызстан к началу 2023 г. обладал самым высоким из шести стран показателем 27 NF, но в течение десяти лет неуклонно движется вниз, как и Россия (19 NF); и только одна из стран — Узбекистан за шесть лет с 2017 по 2022 гг. (11 NF на текущий момент) демонстрирует осторожное движение вверх по пути расширения демократических институтов.

Несмотря на тесную взаимосвязь между развитием демократических институтов в целом и свободы прессы, случается и так, что уровень свободы масс-медиа оказывается выше (или, наоборот, ниже) общего уровня гражданских свобод. На рис. 2 мы представили блиц-анализ динамики (за 2021 и 2022 гг.) индикатора свободы масс-медиа в странах рассматриваемого региона по данным международной организации «Репортеры без границ» (Reporters, 2023).

Рис. 2. Динамика индикатора свободы масс-медиа

Годы/ Страны	Узбеки стан	Туркмени стан	Таджики стан	Россия	Киргиз стан	Казах стан
2021	157	178	162	150	79	155
2022	133	177	152	155	72	122

**Источник:** Мировой классификатор-2022 организации «Репортеры без границ»: <https://rsf.org/fr/classement> (дата обращения: 14.02.2023).

Из результатов сравнения показателей, представленных на рис. 2, видно, что Кыргызстан поднялся с 79 места в 2021 г. на 72 место в 2022 г. (сравним это с данными из рис. 1, где Кыргызстан ухудшил на единицу свой общий уровень гражданских свобод до 27 NF); Казахстан совершил впечатляющий прыжок со 155 на 122 место (но остается в течение трех последних лет на общем уровне развития свобод 23 NF); Узбекистан также продемонстрировал скачок со 157 на 133 место (но в течение 2021 и 2022 гг. «затормозил» динамику общего показателя гражданских свобод на уровне 11 NF), Таджикистан улучшил свой показатель свободы прессы на 10 единиц и поднялся со 162 на 152 место (но обладает очень низким общим показателем свобод 8 NF), Россия опустилась со 150 на 155 место (и понизила свой общий рейтинг свобод с 20 NF до 19 NF); Туркменистан улучшил положение прессы на единицу и поднялся в мировом классификаторе со 178 на 177 место (но в течение ряда лет остается на низком общем уровне развития гражданских свобод 2 NF).

Следует учесть, что в обоих случаях — с динамикой общего уровня гражданских свобод, по данным «Дома свободы», и рейтингом стран мира по индексу свободы прессы, по данным организации «Репортеры без границ», цифровые показатели разнонаправленные: в первом случае чем ниже цифровой показатель, тем более низкий уровень развития демократии в стране; во втором случае чем выше цифровой показатель, тем меньшей свободой пользуется пресса в той или иной стране. И на примере Туркменистана видно, что его самый низкий из шести рассматриваемых стран показатель общего уровня развития гражданских свобод 2 NF в точности соответствует его самому высокому среди тех же

шести стран цифровому показателю в рейтинге свободы прессы — 177: масс-медиа в этой стране находятся в условиях полной несвободы так же, как все прочие общественные институты.

### Обсуждение

Одним из главных тематических ориентиров для СМИ Центральной Азии в последние годы стал конкурс для журналистов MediaCamp Award: в октябре 2022 г. он состоялся в четвертый раз, прошел в Алма-Аты (Казахстан) под общим заглавием «Азия. Контекст» (Конкурс, 2022). Проведение пятого конкурса было намечено на июль 2023 г. В конкурсе принимали участие работы журналистов из пяти стран — Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана и Туркменистана; в дискуссиях принимали участие представители Грузии, Украины, Молдовы. По результатам отбора отчетливо выявились тематические предпочтения и характеристики.

Во-первых, из 20-ти основных номинантов, ставших победителями, 13 мест заняли женщины-журналисты; из девяти победителей номинации «Спецприз» 7 мест также достались женщинам.

Во-вторых, темами значительной части журналистских работ стали гендерное неравенство — «Меньше зарплата, меньше образования, меньше равенства» (Нина Петрушкова, Таджикистан), «Что там потеряла эта женщина? Исследование “Клоопа” о неравенстве в кыргызском правительстве» (Савия Хасанова, Мундузбек Калыков, Кыргызстан), а также экстремальные ситуации, связанные с теми или иными формами насилия — «Безнаказанность ведет к повторному насилию» (Тамила Умарова и Замира Балтаева, Узбекистан), «”Куртка пропиталась кровью”: как алматинец вывозил погибших и раненых с площади» (Кирилл Каргаполов, Казахстан) — при том, что о насыщенности виртуального пространства региона тематикой экстремизма эксперты говорили еще в середине 2010- гг. (Мухаммад, Махмадов, 2016).

Другими ориентирами в выборе тем для региональных журналистов стали электронный проект Factcheck.kg Общественного фонда «Центр Медиа Развития» Кыргызстана, объявленной целью которого стали «проверка и опровержение недостоверной информации, манипуляции и пропаганды» (О нас, 2022), а также казахстанский проект New reporter (Новый репортер, 2023): в разделе «Медиакритика» этого проекта рассматривается медиаконтент СМИ Казахстана, Таджикистана, Узбекистана. Этот подход, как отмечают эксперты, отвечает в том числе задачам программы программы MediaCamp (Омурканова, 2021), в рамках которой реализуется «Школа медиакритики».

В законодательном отношении государства Центральной Азии после распада СССР в 1991 г. ориентировались преимущественно на опыт своего бывшего центра. Так, запрет на применение предварительной цензуры в законе СССР «О печати и других средствах массовой информации», принятом еще во времена М.С. Горбачева в 1990 г., был скопирован в большинстве государств в постсоветском пространстве; основные положения этого еще советского закона затем вошли и в российский закон «О средствах массовой информации» 1991 г.

Однако с течением времени Россия, на которую ориентировались государства Центральной Азии, сменила вектор развития своих масс-медиа — с их освобождения до новых ограничений в рамках модернизированных форм цензуры. Впервые эти новые формы цензуры описал еще в 2007 г. международный эксперт проф. А.Г. Рихтер: нефор-

мальное распространение рекомендаций редакциям масс-медиа со стороны государственных органов; отказ государственных или зависимых предприятий от предоставления услуг оппозиционным медиа; отказ от предоставления информации оппозиционным медиа; злоупотребление монопольными услугами; злоупотребление регулируемыми функциями (манипулирование конкурсами на вещание); принятие судебных решений в пользу государственных органов; внеправовое давление, моральное и физическое, в том числе убийства журналистов; внутри-редакционная цензура; наконец, «самоцензура», то есть добровольный отказ журналистов от публикации информации, которая, предположительно, представляет опасность для их жизни и здоровья (Рихтер, 2007, 19-32).

Особого внимания в ряду новейших форм цензуры заслуживает внеправовое давление, в результате которого в разных странах в постсоветском пространстве систематически погибали журналисты. Следует считать, что убийство Георгия Гонгадзе в 2000 г. под Киевом (Украина), Дмитрия Завадского в 2000 г. в Минске (Белоруссия), Эльмара Гусейнова в 2005 г. в Баку (Азербайджан), Анны Политковской в 2006 г. в Москве (Россия), Станислава Маркелова и Анастасии Бабуровой в 2009 г. в Москве (Россия) являются не чем иным, как актами модернизированной цензуры, которая проявляется во всех уголках мира: только за двадцать лет с 2003 по 2022 гг., по данным организации «Репортеры без границ», в разных уголках мира были убиты 1668 журналистов (Nouveaux, 2023). Позднее в работах других исследователей список модернизированных форм цензуры был дополнен. Так, правовед С.А. Куликова считает необходимым учитывать репутационную цензуру — «действия представителей органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных корпораций, государственных и частных предприятий, направленные на недопущение передачи информации о фактах, свидетельствующих о некомпетентности, коррупционной заинтересованности в принятии того или иного решения, а также пресечении распространения критических мнений по поводу их деятельности и исполнения ими должностных обязанностей» (Куликова, 2019).

Позднее, в 2022 г., в диссертационной работе Е.М. Шитиковой, посвященной проблемам масс-медиа в России, были описаны еще две новых формы цензуры. Во-первых, это огосударствление ведущих масс-медиа, то есть передислокация владельческих прав на ведущие масс-медиа страны из рук одних частных владельцев в руки действующей власти, или в руки аффилированных с властью частных владельцев. Еще одной новой формой цензуры в России стали изменения в законодательстве, оказывающие негативное воздействие на содержательное наполнение, экономическое положение, а также в целом на свободу прессы (Шитикова, 2022, 49-51). Действительно: в России еще в 2014 г. был принят закон об ограничении зарубежного участия в российских СМИ 20% (Федеральный, 2014) — из-за опасений о попытках формирования общественного мнения в России из-за рубежа, целый ряд подобных же мер цензурного характера. Россия, таким образом, фактически вернулась ко временам официальной цензуры — с этим соглашались ранее (Oates, 2007) и соглашаются теперь (Chupin, Mustafina, 2020) разные исследователи, когда говорят, что «акцент на прямой цензуре приобретает полный смысл, если мы поместим его в соответствие с тезисами о предполагаемой преемственности между СМИ советского периода и СМИ периода Владимира Путина». Причем в случае с огосударствлении-

ем масс-медиа как актом цензуры следует говорить об эффекте обратного действия — поскольку в Туркменистане, например, еще с 1990-х гг. прошлого века, после распада СССР, все масс-медиа принадлежали государству (Рихтер, 2007), которое с тех пор жестко контролирует их содержание, то есть Россия фактически следует по пути Туркменистана, а не наоборот.

### Выводы

За период с начала 90-х годов XX в. динамика взаимоотношений государства и СМИ в странах Центральной Азии претерпела кардинальные изменения. Поначалу часть бывших республик СССР почти в точности копировали законодательство и либеральную практику отношений государства и масс-медиа, сложившуюся в России как доминанте бывшего СССР. Затем, по мере того, как в России все более отчетливо проявлялся переход к новым, модернизированным формам цензуры, часть стран региона привычно продолжили копировать эти формы, другие, наоборот, предприняли усилия в сторону либерализации своих медиа-ресурсов. Так и будет продолжаться — вплоть до кардинальной смены режимов в странах, тяготеющих к авторитарному типу взаимоотношений между властью и обществом.

Волатильность соотношения показателей общего уровня свобод и показателей свободы прессы в странах Центральной Азии не отменяет правила: чем к более высокому показателю будет стремиться общий уровень гражданских свобод, тем рано или поздно будет обеспечен соответствующе высокий уровень свободы прессы.

Таким образом, послание, которое власть адресует обществу в ходе политического дискурса, непосредственно формирует содержательный облик масс-медиа. Существует ли политический плюрализм, плюрализм мнений в принципе в одной, отдельно взятой стране? — таким вопросом следует задаться перед тем, как оценивать положение масс-медиа как инструмента коммуникации между властью и обществом. Как мы это продемонстрировали выше на примерах сравнения динамики общего уровня гражданских свобод и динамики индикатора свободы СМИ в странах Центральной Азии, это послание иногда состоит в том, чтобы ограничивать плюрализм во всех его возможных проявлениях — в уровне свободы выборов, независимости судебной власти и, в том числе, в медийной коммуникации. Для этого используются разные средства, в том числе такое, как нахождение большинства медийных ресурсов в непосредственном владении государства в лице действующего политического режима: таково, например, текущее положение масс-медиа в Туркменистане.

Таким образом, гипотеза, выдвинутая в начале исследования, подтверждается его результатами: динамика показателя общего уровня гражданских свобод, направленная на их расширение, обеспечивает стремление к соответствующе развитому уровню свободы масс-медиа. И наоборот.

### Литература

Конкурс на премию MediaCAMP для журналистов. — Электронный ресурс: <https://mediafest.asia/Results> (дата обращения: 01.07.2023).

Куликова С.А. Конституционный запрет цензуры в Российской Федерации: содержание и проблемы реализации. Автореферат дисс. докт. юрид. н. — Пенза: Пензенский государственный университет, 2019 — 64 с.

Мухаммад Н.А., Махмадов П.А. Проблемы экстремизма в виртуальном пространстве Центральной Азии» // Eurasian Law Review. — М.: 2016 — № 5 (96) — с. 78-81. — Электронный ресурс: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26289463>, (дата обращения: 01.07.2023).

Новый репортер (New Reporter). — Электронный ресурс: <https://newreporter.org/> (дата обращения: 16.05.2023).

Омурканова А.Т. Медиакритика в Центральной Азии: транзит власти как отправная точка. // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. — Бишкек: 2021. — № 11. — вып. 21. — с. 163-168. — Электронный ресурс: [https://www.elibrary.ru/title\\_about\\_new.asp?id=10529](https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=10529) (дата обращения: 01.07.2023).

О нас. Электронный ресурс: <https://factcheck.kg/category/about/> (дата обращения: 01.07.2023).

Рихтер А.Г. Свобода СМИ в постсоветском пространстве. — М.: «ВК», 2007 — 368 с.

Федеральный закон от 14 октября 2014 г. № 305-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации»». — Электронный ресурс: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/37714.html/> (дата обращения: 01.07.2023).

Шитикова Е.М. Тенденции развития российской периодической печати: возможности и перспективы моделирования, дисс. канд. филол. н., Тверской государственный университет, Университет дружбы народов (РУДН). — Тверь-М.: 2022, 163 с.

#### Иноязычные источники

Chupin, Ivan et Mustafina, Renata, «Ce que le discours sur la “censure” empêche de voir». Études et travaux d’Eur’ORBEM, décembre 2020, pp. 57-80. En ligne sur: <https://www.academia.edu/49003524>, date de demande: 07/01/2023.

Freedom in the World. Raw Data 2013-2022. Электронный ресурс: Freedom House. <https://freedomhouse.org/report/freedom-world> (дата обращения: 16.05.2023).

Nouveaux record du nombre de journalistes emprisonnés dans le monde. Rapport, ressource électronique: <https://rsf.org/fr>, date de demande: 05/01/2023.

Oates, Sarah, (2007) «The neo-Soviet model of the media», Europe-Asia Studies, 59:8, 1279-1297, Université du Maryland, College Park, 2007, ressource électronique: [https://www.researchgate.net/publication/248965414\\_The\\_neo-Soviet\\_model\\_of\\_the\\_media](https://www.researchgate.net/publication/248965414_The_neo-Soviet_model_of_the_media), date de demande: 07/01/2023.

Reporters sans frontieres. Classement. Электронный ресурс: <https://rsf.org/fr/classement> (дата обращения: 16.05.2023).

New Reporter. Электронный ресурс: <https://newreporter.org/> (дата обращения: 16.05.2023).

#### MARKAZIY OSIYODA OAV: ERKIN OAV VA TSENZURANING YANGI SHAKLLARI O’RTASIDA

N.F. Muratova, DSc, O‘zbekiston jurnalistika va ommaviy kommunikatsiyalar universiteti

**Xulosa:** Tadqiqot maqsadi Markaziy Osiyo mamlakatlari – O‘zbekiston, Qozog‘iston, Qirg‘iziston, Tojikiston, Turkmaniston va Rossiyada ommaviy axborot vositalari erkinligi rivojlanishining fuqarolik erkinliklarining umumiy darajasining rivojlanishiga bog‘liqligini aniqlashdan iborat edi. Maqsadni amalga oshirish uchun bir qator vazifalar amalga oshirildi: mintaqa mamlakatlaridagi fuqarolar erkinliklari ko‘rsatkichi dinamikasining ommaviy axborot vositalari erkinligi ko‘rsatkichi dinamikasi bilan taqqoslaganda qiyosiy tahlili o‘tkazildi; mintaqaviy ommaviy axborot vositalari va jurnalistlarning tematik afzalliklari taqdim etiladi; tsenzuraning yangi, modernizatsiyalangan shakllarining rivojlanish dinamikasini tavsiflaydi. Tadqiqot natijasi ommaviy axborot vositalari erkinligining fuqarolik erkinliklarining umumiy darajasiga bevosita bog‘liqligi haqidagi farazning isboti bo‘ldi.

**Kalit so‘zlar:** OAV erkinligi, senzura, OAV, jurnalistlar, fuqarolik erkinliklari, Markaziy Osiyo.

MASS MEDIA IN CENTRAL ASIA: BETWEEN FREE MEDIA AND NEW FORMS OF  
CENSORSHIP

N.F. Muratova, DSc, Journalism and Mass Communications University of Uzbekistan

**Abstract:** The aim of the study was to identify the dependence of the development of freedom of the media on the development of the general level of civil liberties in the countries of Central Asia - Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Russia adjacent to these countries. To fulfill the goal, a number of tasks were performed: a comparative analysis of the dynamics of the indicator of civil liberties in the countries of the region was carried out in comparison with the dynamics of the indicator of freedom of the media; thematic preferences of regional media and journalists are presented; describes the dynamics of the development of new, modernized forms of censorship. The result of the study was the proof of the hypothesis about the direct dependence of the freedom of the media on the general level of civil liberties.

**Keywords:** media freedom, censorship, mass media, journalists, civil liberties, Central Asia.

